

Социальные трансформации

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-1

Экономическая деятельность выходцев из Африки в крупных странах ЕС: новые подходы

Алексей Владимирович КУЗНЕЦОВ

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, врио директора
Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
117997, Нахимовский пр-т, д. 51/21, Москва, Российская Федерация
E-mail: kuznetsov_alexei@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5172-9924

ЦИТИРОВАНИЕ: Кузнецов А.В. (2020) Экономическая деятельность выходцев из Африки в крупных странах ЕС: новые подходы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 1. С. 6–27.
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-1

Статья поступила в редакцию 04.12.2019.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Статья подготовлена за счет гранта РФФИ № 17-07-00040-ОГН.

АННОТАЦИЯ. Рост интереса к миграционным проблемам в ЕС слабо затронул анализ африканских мигрантов. В центре внимания находятся социальные и политические вопросы, а исследуемые экономические вопросы связаны прежде всего с оценкой причин приезда африканцев в ЕС, траекторий их передвижения, а также масштабов денежных переводов на родину и условий возвращения их самих назад в Африку. В статье акцент сделан на основных чертах экономической деятельности африканских мигрантов в ЕС. Вместо традиционного рассмотрения лишь одной либо нескольких диаспор в отдельной стране или обобщенного анализа всего ЕС сравнивается специфика выходцев из разных стран Африки в 4 крупнейших государствах ЕС (включая Великобританию, покинувшую ин-

теграционный проект в 2020 г.). Статья начинается с обзора исследований, где содержатся сведения по экономической деятельности мигрантов из стран Африки. Затем на основе сведений Евростата и национальной статистики ФРГ, Франции, Италии и Великобритании показана доля выходцев из Африки. Объяснены причины различий между этими четырьмя странами в динамике и структуре иммиграции из Африки. Рассмотрена статистика беженцев, натурализовавшихся за последние 10 лет лиц, иностранных граждан и жителей с миграционными корнями. Лидирует по числу мигрантов Франция, в основном за счет выходцев из франкоязычных стран Северной и Западной Африки. Выделяется из-за географической близости к этому региону и Италия, на которую нацеле-

ны многие нелегальные маршруты мигрантов. Великобритания стала целью преимущественно жителей бывших британских колоний, которые довольно успешно проходят натурализацию в Соединенном Королевстве (поэтому африканцев без местных паспортов в Великобритании столько же, сколько и в ФРГ – по 0,6 млн). Далее показано, что ключевым фактором для занятия той или иной экономической позиции в обществе является статус мигрантов, также важную роль играют их образование (хотя часто африканцы работают на местах, где требуется уровень квалификации ниже, чем они имеют) и языковые барьеры. Есть большие гендерные различия. Завершается статья выводами о проблемах адаптации африканских мигрантов, хотя без занятия ими непривлекательных рабочих мест страны ЕС уже не могут обойтись.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: миграции, африканские мигранты, страны ЕС, экономические ниши на рынке труда, миграционная статистика, ФРГ, Франция, Италия, Великобритания

Разразившийся в 2010-е гг. миграционный кризис в ЕС породил довольно большой пласт научной литературы. Вместе с тем внимания мигрантам из Африки уделяется явно меньше, нежели выходцам с Ближнего Востока. В странах ЕС, однако, сформировались многочисленные общины выходцев из Северной и Тропической Африки, причем по количеству новых граждан ЕС среди стран исхода уже несколько последних лет лидирует Марокко, а Алжир и Нигерия устойчиво входят в число 15 стран-лидеров.

Европейских исследователей прежде всего интересуют маршруты миграции (в особенности нелегальной), а также социальные проблемы, связан-

ные с пребыванием африканских мигрантов в странах ЕС (например из-за распространения среди приезжих различных опасных болезней или проявлений в принимающих социумах ксенофобии и расизма), эффективность миграционной политики ЕС, включая меры отдельных государств-членов. Нередко в публикациях экспертов рассматривается экономическая связь африканских мигрантов со странами исхода, однако обычно игнорируется тот факт, что африканцы способны вносить позитивный вклад и в развитие экономики самих стран ЕС, особенно когда они занимают ниши на рынке труда, слабо востребованные местным населением. Последний вопрос, на наш взгляд, изучен до сих пор слабо; в качестве примеров его игнорирования приведем две довольно типичные публикации: брошюру, посвященную обзору вопроса в период до последнего миграционного бума [Kohnert 2007], и спецвыпуск журнала пятилетней давности о марокканской миграции в ЕС (см., например, [Sahraoui 2015]). К тому же европейские эксперты все чаще обращают внимание на то, что африканскую миграцию надо изучать не столько как экономическое явление (что предполагало бы среди прочего статистический анализ трудовых отношений мигрантов), сколько как результат развития социальных сетей, иллюстрируя это различными индивидуальными историями мигрантов [Schapendonk 2015]. Тем не менее мы сосредоточимся как раз на основных чертах экономической деятельности африканских мигрантов в ЕС. Анализ в статье будет основан как на обработке разнородной статистики, так и на приводимых в различных научных публикациях фактах о конкретной специфике экономической деятельности выходцев из Африки в четырех крупнейших странах ЕС: ФРГ, Франции, Италии и Великобритании.

Анализ африканской миграции в ведущие страны ЕС

В России исследования африканских мигрантов в Европе ведутся в основном в Институте Африки РАН. Особо отметим опубликованное уже более 10 лет назад монографическое исследование И.О. Абрамовой [Абрамова 2009]. В этом комплексном труде показаны масштабы миграции из Африки (прежде всего внутри континента и в сторону ЕС), возрастная, национальная и конфессиональная структура этих миграционных потоков, основные транзитные маршруты, трансформация миграционной политики самих стран – членов ЕС (в том числе по отношению к временным и нелегальным мигрантам). В основе исследования лежал как анализ обширных статистических материалов, так и интервью с мигрантами, а также чиновниками и экспертами по миграционной проблематике в некоторых африканских странах и крупных государствах – членах ЕС. Акцент был сделан на детальном анализе североафриканской миграции в Германию, Италию и Испанию. Важно подчеркнуть, что в отличие от многих западных работ, где африканская миграция рассматривается преимущественно как источник социально-экономических проблем, И.О. Абрамова показала, что примерно половина переехавших в ЕС африканцев занимаются квалифицированным трудом в промышленности, сельском хозяйстве и сфере обслуживания, нередко улучшив свой социальный статус [Абрамова 2009, с. 82]. Перу этого автора и ее коллег принадлежат и более свежие публикации по африканской миграции (в частности, [Фитуни, Абрамова 2017]).

В стенах Института Африки РАН появляются работы, где детально рассматриваются общины, сформированные выходцами из отдельных африкан-

ских стран. Прежде всего можно отметить статьи Г.А. Карпова, посвященные африканским мигрантам в Великобритании. Этим исследователем отмечаются не только проблемы интеграции выходцев с Черного континента, но и успехи представителей африканских диаспор (хотя среди экспертов есть дискуссии о правомочности такого термина), включая, например, высокий уровень вовлеченности в получение дополнительного образования [Карпов 2016]. Особо выделим обобщившую его предшествовавшие журнальные статьи монографию о специфике диаспор из Сомали, Зимбабве, Нигерии и ЮАР [Карпов 2018]. Отметим также работы по магрибинцам во Франции, опубликованные Е.Б. Деминцевой (например, [Деминцева 2008; Деминцева 2015]). Ее исследовательский интерес обращен во Франции и на выходцев из Сахеля [Деминцева 2013].

В западных исследованиях внимания отдельным африканским диаспорам в ЕС с точки зрения экономики уделяется немного. Скорее, можно говорить о возможности сбора информации по крупным из статей о смежных по тематике исследованиях. Например, полевые исследования по важной для стран ЕС проблеме – отслеживанию маршрутов миграции из разных стран Африки – для наших целей интересны главным образом пониманием мотивации мигрантов и их ожиданий в экономической сфере (например, [Schapendonk 2011, Schapendonk 2015]). Косвенно об экономических позициях мигрантов свидетельствуют результаты анализа дискриминации африканцев на рынках труда: например, во Франции проводилось эконометрическое исследование с целью сравнения зарплат работников с двумя родителями-французами и работников, чей родитель приехал из Африки [Aeberthardt, Fougère, Pouget, Rathelot 2010].

Безусловную ценность имеют большие по охвату и длительности проекты с компонентами социологических и полевых исследований, однако обычно они сопряжены с экспедициями лишь в ограниченное количество стран. Например, многонациональный проект под эгидой французских ученых «Миграции между Африкой и Европой» посвящен миграционным потокам только между Сенегалом и Францией, Италией и Испанией, между Демократической Республикой Конго (далее по тексту – ДР Конго) и Бельгией, Великобританией и между Ганой и Великобританией, Нидерландами¹.

Доминирование определенной тематики у европейских ученых закономерно: если это не этнографические исследования, то на первый план выходят работы по ограничению нелегальной миграции (а в значительной мере миграционный бум неизбежно сопряжен с нарушениями законодательных норм). Далее вопрос лишь в том, стоит ли принимать основные меры по пресечению нелегальной миграции в странах исхода африканцев или на границах с ЕС. Примеров таких работ много – в качестве иллюстрации назовем лишь свежую статью [Crawley, Blitz 2019], где анализируются меры по сокращению миграции в ЕС из стран Африканского Рога, поскольку Эритрея, Сомали и другие страны региона быстро теснят в статистических отчетах о мигрантах Марокко, Нигерию и иные страны Северной и Западной Африки. Осевших в странах ЕС мигрантов надо как-то адаптировать к европейским реалиям, поэтому успешно вписавшиеся в хозяйственную жизнь крупных стран ЕС африканцы – наименее волнующий экспертов феномен. Вместе с тем нельзя сказать, что европей-

ские ученые совсем игнорируют рост враждебности к африканской миграции в ЕС как таковой, когда все чаще в сознании допускается приемлемость въезда лишь высококвалифицированных кадров либо жертв политического насилия [Landau 2018]. В условиях глобализации было бы наивно верить, что соседствующая с Европой Африка с ее динамично растущим населением не будет постоянным источником самых разных миграционных потоков, от которых Европейскому союзу не удастся отгородиться.

Для раскрытия нашей исследовательской темы интерес представляют и некоторые оригинальные по тематике работы ученых из Северной Африки, Нигерии, Ганы. В качестве одного из примеров назовем публикацию алжирского ученого, где с помощью эконометрического анализа показано отсутствие влияния алжирской диаспоры во Франции, Бельгии, Испании и некоторых других странах на трансформацию структуры экспорта Алжира в ЕС (в отличие от позитивной роли, которую, например, играет китайская диаспора для экспорта КНР) [Hadjou 2015]. Другой иллюстрацией служит защищенная в Университете Ганы магистерская диссертация о связи миграций в Италию и другие страны ЕС с транзитом наркотиков через Западную Африку в Европу [Ewuntomah 2017]. Нередко африканские ученые обнаруживают подробный анализ диаспор, сформированных их соотечественниками. Отметим, в частности, изучение влияния нигерийской диаспоры (в Великобритании и США) на развитие самой Нигерии [Kunle, Modupe 2019] и комплексный анализ специфики тунисской диаспоры [David, Marouani 2017].

1 https://mafeproject.site.ined.fr/fichier/s_rubrique/20355/leaflet_read_en_en.pdf, дата обращения 12.05.2020.

Беженцы в ЕС: много внимания и детальная статистика, но мало экономики

В 2010-е гг. основное внимание общественности в ЕС было приковано к беженцам, поскольку в 2015–2016 гг. ежегодное количество людей, впервые обратившихся за убежищем, превышало 1 млн чел., тогда как еще в 2009 г. соста-

вило лишь 165 тыс. чел. В этом потоке на африканцев приходится почти ¼ часть, причем две страны (Нигерия и Эритрея) в 2010-е гг. находились в первой десятке. Однако по количеству запросивших убежище лидируют жители азиатских и балканских государств (см. табл. 1).

Условность статуса беженцев в ЕС (прежде всего маскировка под них классических экономических мигрантов)

Таблица 1. Беженцы в ЕС в 2009–2019 гг.: происхождение впервые запросивших убежище (тыс. чел.)

Страна	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2010–2019	Доля, %
Всего вне ЕС	196	207	263	278	368	563	1257	1206	655	587	657	6236	100,0
Сирия	3	4	6	21	46	119	363	335	102	81	76	1155	18,5
Афганистан	14	16	22	21	21	38	178	183	44	41	55	632	10,1
Ирак	14	13	13	11	8	15	122	127	48	40	31	441	7,1
Пакистан	5	6	15	17	19	21	47	48	30	25	25	257	4,1
Албания	1	1	3	7	11	16	66	29	22	20	21	196	3,1
Иран	6	9	10	12	11	10	25	40	17	23	22	186	3,0
Россия	13	13	13	17	35	14	18	23	13	12	11	182	2,9
Косово	10	12	8	7	17	34	69	9	5	3	2	174	2,8
Африка в целом	69	59	94	77	106	163	194	245	222	160	156	1546	24,8
Нигерия	8	5	12	7	10	19	30	46	39	23	21	220	3,5
Эритрея	5	4	6	6	14	36	33	33	24	15	12	189	3,0
Сомали	17	13	11	13	15	15	20	19	13	11	13	158	2,5
Гвинея	4	4	6	4	6	5	5	13	18	13	12	91	1,5
ДР Конго	4	5	6	7	8	7	6	5	7	7	9	71	1,1
Алжир	3	3	4	4	6	6	8	11	9	9	9	71	1,1
Мали	1	1	4	2	6	13	8	9	10	6	6	67	1,1
Гамбия	1	1	1	1	3	11	12	16	12	4	3	67	1,1
Судан	2	2	3	2	3	6	11	11	9	8	7	64	1,0
Кот-д'Ивуар	1	1	5	2	2	3	6	11	14	9	8	63	1,0
Марокко	1	1	2	2	4	4	5	11	8	8	9	54	0,9
Сенегал	1	1	2	2	3	6	9	10	10	5	5	53	0,8
Гана	2	1	5	2	2	4	6	8	7	3	2	40	0,6
Египет	1	1	2	2	5	4	3	5	4	5	5	37	0,6
Камерун	1	1	2	1	2	2	3	5	6	5	5	34	0,5
Ливия	1	1	3	1	2	3	5	4	4	4	3	31	0,5
Эфиопия	1	1	1	2	2	3	6	6	4	3	2	30	0,5

Источник: интерактивные таблицы Евростата // <https://ec.europa.eu/eurostat/web/asylum-and-managed-migration/data/database>
Примечание: Великобритания покинула ЕС 31 января 2020 г., но весь наш анализ ведется для ЕС-28, поскольку Соединенное Королевство входило в интеграционную группировку в исследуемый период (Хорватия стала членом ЕС 1 июля 2013 г.). Косово рассматривается в статистике ЕС как отдельная страна.

подтверждена исследователями многими фактами. В частности, некоторые государства, охваченные гражданской войной, по количеству запросивших убежище многократно уступают вполне благополучным странам: например, за 10 лет из Ливии в ЕС «бежало» в 6 раз меньше людей, чем из России. Заметим также, что в «пиковые» годы количество беженцев возрастало по сравнению с 2009–2010 гг. из большинства стран, даже если там не происходило никаких социально-политических катаклизмов. К тому же многие «настоящие» беженцы все равно ориентируются на традиционные мотивы мигрантов, например языковой фактор. Довольно рельефно это прослеживается и по распределению между наиболее привлекательными для

беженцев странами – членами ЕС, выходцев из отдельных государств, в том числе африканских (см. табл. 2).

Так, в Великобритании доля африканских беженцев выше среднего по ЕС, причем количество запросивших убежище в 2010–2019 гг. жителей Эритреи, Судана или Нигерии было больше численности беженцев-сирийцев. В Швеции, которая в деле предоставления политического убежища иностранцам, несмотря на свой малый размер, сопоставима с ведущими государствами ЕС, почти не было беженцев из бывших французских колоний и в целом доля африканцев среди лиц, запросивших убежище, относительно невелика (исключение составляют жители Сомали и Эритреи). Напротив, во Франции,

Таблица 2. Лица, впервые запросившие убежище, по отдельным странам ЕС (тыс. чел.)

Страна	Германия		Франция		Италия		Швеция		Велико-британия		Греция		Испания	
	2019	2010–2019	2019	2010–2019	2019	2010–2019	2019	2010–2019	2019	2010–2019	2019	2010–2019	2019	2010–2019
Всего	142	2128	120	786	35	593	23	495	44	365	75	292	115	249
Сирия	39	620	2	25	0	6	5	124	1	14	11	72	2	20
Афганистан	10	237	10	39	1	18	1	64	2	24	24	53	0	1
Ирак	14	210	1	14	1	9	1	35	4	21	6	29	0	1
Африка, всего	30	326	51	308	8	375	4	102	10	111	11	38	10	36
Нигерия	9	54	4	19	1	103	0	4	1	16	0	2	0	2
Эритрея	4	68	2	10	0	20	1	33	2	19	0	2	0	0
Сомали	4	45	3	11	0	13	1	36	0	6	2	4	0	1
Гвинея	2	17	7	34	0	19	0	0	0	1	0	1	1	3
ДР Конго	0	2	4	45	0	1	0	1	0	2	4	7	0	1
Алжир	1	15	3	21	0	1	0	3	0	3	0	3	1	6
Мали	0	4	4	18	0	37	0	0	0	0	0	0	1	5
Гамбия	1	17	0	1	0	39	0	1	0	3	0	0	0	1
Судан	1	8	3	29	0	3	0	2	2	15	0	1	0	0
Кот-д'Ивуар	1	6	5	23	0	26	0	0	0	1	0	1	1	2
Марокко	1	14	1	4	2	9	0	4	0	1	0	2	2	5
Сенегал	0	4	2	8	1	33	0	0	0	0	0	1	1	2

Источник: интерактивные таблицы Евростата // <https://ec.europa.eu/eurostat/web/asylum-and-managed-migration/data/database>

Примечание: данные округлены до 1 тыс. чел., т. е. 0 означает меньше 500 беженцев.

где из Африки приехали почти 2/5 беженцев, выделяются франкоязычные государства (особенно ДР Конго – бывшее Бельгийское Конго). Поток беженцев в Италию резко уменьшился, но в целом за 2010-е гг. она занимала 3-е место, причем в силу географического положения 63% лиц, запросивших убежище, были африканцами, прежде всего из Нигерии, Мали, Гамбии и Сенегала. Этот поток из Западной Африки в ЕС до свержения и убийства М. Каддафи боевиками при поддержке НАТО успешно удерживался Ливией. В Германии абсолютное количество беженцев из Африки было меньше, нежели в Италии (а их доля составляла только 15%, что было все-таки выше показателя Испании и Греции, которые находятся вблизи Африки), причем убежище запрашивали жители самых разных стран, хотя лидировали Эритрея, Нигерия и Сомали.

Текущая ситуация с миграцией из Африки в странах ЕС

На наш взгляд, при анализе экономических последствий иммиграции (а не текущих социально-политических проблем, которые обострились действительно из-за наплыва беженцев) следует опираться на показатели натурализации мигрантов в странах ЕС. Альтернативным методом был бы учет лиц с гражданством иностранных государств или жителей стран с мигрантским прошлым. Ниже будет проведено сопоставление предлагаемого нами и данного методов, однако сразу отметим, что статистика по иностранцам очень разнородна по отдельным странам – членам ЕС. К тому же именно структурные параметры процессов натурализации, причем состоявшейся в последние годы, по нашему мнению, позволяют изучать тех мигрантов, которые еще

не порвали со своим африканским прошлым, но уже довольно прочно закрепились на «новой родине», заняв те или иные экономические ниши.

По данным Евростата, ежегодно в ЕС гражданство получают 0,8–1,0 млн мигрантов, причем свыше ¼ из них – как раз африканцы (см. табл. 3). Если лидером по абсолютному количеству розданных иностранцам паспортов была Великобритания, то африканцам гражданство охотнее всего предоставляет Франция. В целом четыре ведущих страны интеграционной группировки за 10 лет выдали африканцам более 1,7 млн паспортов (почти 69% всех случаев натурализации африканцев в ЕС за этот период). Не имевшая колоний в Африке ФРГ сильно отстает не только от Франции, но и от Великобритании и Италии, будучи сопоставима с маленькой Португалией.

Почти половина африканцев, получивших в 2009–2018 гг. паспорта стран ЕС, – выходцы из Северной Африки. Однако в Италии их доля среди натурализовавшихся африканцев превысила 71%, во Франции составила 63%, тогда как в Великобритании – только 8,5%. Бесспорный лидер – Марокко, но прежде всего за счет миграции во Францию (где с марокканцами почти сопоставимы алжирцы) и Италию. В то же время на выходцев из Западной Африки в Великобритании пришлось 33,4%, тогда как в целом по ЕС – 23,7%. Прежде всего речь идет о нигерийцах и жителях Ганы (во Францию едут, однако, жители бывших французских колоний). Наиболее важным регионом исхода для новых граждан Великобритании с Черного континента стала Восточная Африка, прежде всего Зимбабве (в другие страны ЕС жители этой бывшей британской колонии редко переезжают) и Сомали. Относительно значимое место этот регион занимает у Франции, но преимущественно

за счет франкоязычных островных государств. Центральная Африка в силу распространения французского языка также выделяется у Франции, тогда как 5 англоязычных стран Южной Африки (а вернее, ЮАР) – у Великобритании.

Языковое и историческое прошлое в принципе играют решающую роль в большинстве случаев. Например, Португалия, выдавшая за 10 лет

более 104 тыс. паспортов африканцам, в основном предпочитала натурализацию жителей своих бывших колоний: из Кабо-Верде (42 тыс. чел.), Гвинеи-Бисау, Анголы и т. д. Однако языковой фактор не стоит абсолютизировать: из почти 96 тыс. африканцев, натурализовавшихся за 10 лет в Нидерландах, южноафриканские буры составили менее 2 тыс. чел., тогда как ма-

Таблица 3. Мигранты, получившие гражданство стран – членов ЕС (тыс. чел.)

Страна	ЕС-28, всего		Германия		Франция		Италия		Великобритания	
	2018	2009–2018	2018	2009–2018	2018	2009–2018	2018	2009–2018	2018	2009–2018
Всего	829	9247	117	1197	110	1287	113	1170	157	1780
Африка в целом	220	2555	11	107	68	795	30	399	33	455
Северная Африка	106	1274	5	48	38	503	20	285	3	39
Марокко	68	822	2	30	15	229	15	215	0	6
Алжир	19	234	0	5	15	186	1	11	0	10
Тунис	11	137	1	11	7	81	2	34	0	2
Египет	5	59	1	5	1	7	1	23	1	9
Западная Африка	56	605	3	26	15	141	8	91	13	152
Нигерия	15	160	1	10	0	2	2	17	9	87
Гана	7	91	1	7	0	2	2	24	3	41
Сенегал	8	72	0	1	3	28	3	26	0	1
Кабо-Верде	5	53	0	0	1	7	0	2	0	0
Кот-д'Ивуар	4	49	0	1	3	31	1	9	0	4
Восточная Африка	35	374	1	14	7	52	1	16	11	173
Сомали	13	125	0	2	0	1	0	2	3	48
Зимбабве	3	54	0	0	0	0	0	0	3	52
Эритрея	4	33	0	3	0	0	0	3	2	15
Центральная Африка	18	228	2	17	8	98	1	7	1	27
ДР Конго	4	65	0	5	1	23	0	2	1	14
Камерун	6	61	1	10	3	29	0	3	0	6
Ангола	3	40	0	3	1	7	0	1	0	5
Конго	3	35	0	1	3	27	0	1	0	2
Гвинея	4	34	0	1	2	16	0	1	0	2
Мали	4	33	0	0	4	29	0	1	0	0
Южная Африка	4	75	0	1	0	1	0	1	4	64
ЮАР	4	73	0	1	0	1	0	1	4	63

Источник: расчеты автора на основе интерактивных таблиц Евростата // https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=migr_acq&lang=en

Примечание: данные округлены до 1 тыс. чел., т. е. 0 означает меньше 500 чел.

рокканцев было 45 тыс. чел. Неслучайно немало выходцев из Нигерии (бывшей британской колонии) приезжают в ФРГ, получают там гражданство, а лишь потом перебираются в Соединенное Королевство.

Таким образом, дальнейший анализ разумно вести с пониманием того факта, что среди рассматриваемых четырех государств марокканцы, впрочем как и сенегальцы, в основном проживают во Франции и Италии, алжирцы и туниисцы (как камерунцы и выходцы из ДР Конго) – во Франции, нигерийцы, сомалийцы и южноафриканцы – в Великобритании, выходцы из Ганы – также и в Италии. Общины африканцев в Германии невелики по численности, но выделяются выходцы из Марокко и Нигерии.

На наш взгляд, пусть и приближенно, но сведения Евростата по выданным за последние годы паспортам позволяют выделить основные общины африканцев в каждой из крупных стран ЕС, причем имеющаяся статистика по ФРГ, Франции, Италии, Великобритании (да и всем другим странам интеграционной группировки) является полностью сопоставимой. Тем не менее совсем отказываться от национальной статистики по мигрантам из Африки нельзя, т. к. именно она часто привязана к детальным сведениям о структуре занятости мигрантов, их имущественном положении и т. д. (что будет показано в последнем разделе статьи). Вместе с тем каждая из крупных стран ЕС учитывает мигрантов по собственным методикам.

Например, в Германии есть два параллельных метода учета мигрантов: в узком смысле это иностранцы (лица без паспорта ФРГ, включая других граждан ЕС), а в широком смысле это жители с мигрантским прошлым (как владельцы иностранных паспортов, так и натурализовавшиеся иностранцы, немецкие переселенцы из Восточной Европы и даже уроженцы ФРГ – дети мигрантов). В 2018 г. в Германии на фоне 1,2 млн мигрантов, получивших гражданство за последние 10 лет, общее число жителей с мигрантским прошлым составляет 20,8 млн чел., причем лишь около половины являются иностранцами². Среди лиц с мигрантским прошлым с африканскими корнями в Германии – 936 тыс. чел., в т. ч. 240 тыс. марокканцев, 202 тыс. других североафриканцев и 494 тыс. выходцев из Тропической Африки³. Иностранцев с паспортами африканских стран в ФРГ зарегистрировано только 600,9 тыс., в т. ч. из Северной Африки – 185,0 тыс., из Западной – 185,4 тыс., Восточной – 163,8 тыс., Центральной и Южной – 66,8 тыс. Среди отдельных стран по числу проживающих в ФРГ граждан выделяются Марокко (78,3 тыс.) и Нигерия (73,5 тыс.), далее следуют Гана, Тунис и Египет (по 36–37 тыс.)⁴. Легко заметить, что пятерки африканских стран-лидеров по числу иностранцев и по количеству получивших германские паспорта (см. табл. 3) почти совпадают (исключение составляет Камерун, который по числу граждан в ФРГ занимает 6-е место, а по числу натурализовавшихся за 10 лет – 3-е).

2 Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Ausländische Bevölkerung Ergebnisse des Ausländerzentralregisters (2019) // Statistisches Bundesamt. Fachserie 1 Reihe 2, April 15, 2020 // <http://www.destatis.de>, дата обращения 12.05.2020. Деление на регионы Африки в ФРГ отличается от принятого в ЕС в целом. Например, Судан отнесен к Центральной, а не Северной Африке, а Малави, Мозамбик, Замбия и Зимбабве – к Южной, а не Восточной Африке.

3 Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Bevölkerung mit Migrationshintergrund – Ergebnisse des Mikrozensus (2018) // Statistisches Bundesamt. Fachserie 1 Reihe 2.2, August 21, 2019 // <http://www.destatis.de>, дата обращения 12.05.2020, S. 63. Данные по отдельным странам Тропической Африки не выделяются.

4 Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Bevölkerung mit Migrationshintergrund – Ergebnisse des Mikrozensus (2018) // Statistisches Bundesamt. Fachserie 1 Reihe 2.2, August 21, 2019 // <http://www.destatis.de>, дата обращения 12.05.2020, S. 27.

В Великобритании отдельный учет ведется по месту рождения (свыше 9,4 млн чел. родились за пределами Соединенного Королевства) и нынешнему гражданству (6,2 млн чел. без британского подданства). Африканцев среди иностранцев столько же, сколько в Германии – 0,6 млн, но родившихся в Африке намного больше – 1,4 млн чел. Основные африканские страны исхода мигрантов – ЮАР (соответственно 91 тыс. чел. с паспортами африканского государства и 255 тыс. там родившихся), Нигерия (90 тыс. и 207 тыс.), Зимбабве (48 тыс. и 126 тыс.), Гана (46 тыс. и 116 тыс.), Сомали (36 тыс. и 98 тыс.), т. е. пятерки стран по числу мигрантов без паспорта и количеству натурализовавшихся в Великобритании в последние 10 лет (вновь см. табл. 3) совпадают. Правда, дальше в списке можно увидеть страны из числа бывших колоний, где почти все мигранты обзавелись паспортами: Кению (16 тыс. без британского подданства против 124 тыс. родившихся в этой стране жителей Великобритании), Египет (11 тыс. против 33 тыс.), Уганду (10 тыс. против 61 тыс.), Маврикий (10 тыс. против 36 тыс.). Это не идет ни в какое сравнение, например, с Эритреей, где из 28 тыс. приехавших в Великобританию 18 тыс. по-прежнему иностранцы⁵.

Во Франции, как и в Великобритании, учитываются не только иностранные граждане, но и мигранты по странам рождения – в 2018 г. из 6,5 млн таких жителей в стране было почти 3 млн чел., рожденных в Африке, в т. ч. 842 тыс. в Алжире и 775 тыс. в Ма-

рокко⁶. С гражданством африканских стран во Франции проживают почти 2 млн чел. – вслед за Алжиром и Марокко (по 0,5 млн чел.) идут с большим отрывом Тунис (менее 0,2 млн чел.), Коморские острова, далее Мали, Сенегал, Конго, Кот-д’Ивуар, ДР Конго и Камерун (все – более чем по 50 тыс. чел.)⁷. В Италии приводится только обобщенная статистика по гражданам стран, не входящих в ЕС: африканцев среди них в конце 2018 г. было почти 1161 тыс. чел., в т. ч. 707,5 тыс. чел. из Северной Африки и 384,5 тыс. чел. из Западной Африки⁸. Как и в остальных случаях, видно, что в целом есть соответствие национальной структуры выходцев из Африки без итальянского гражданства и натурализовавшихся в Италии в последние годы жителей этого континента.

Во всех четырех крупнейших странах ЕС в 2010-е гг. в структуре населения с африканскими корнями наблюдалось сохранение традиционных связей, обусловленных языковой и исторической близостью. Вместе с тем процессы усложнились как за счет потоков беженцев и трудовых мигрантов из новых стран массового исхода, так и за счет усиливающейся миграции выходцев из Северной и Тропической Африки внутри ЕС. Однако для выявления наиболее характерных для той или иной диаспоры особенностей интеграции в хозяйственную жизнь крупных стран ЕС достаточно рассмотреть ситуацию в одном, реже – двух государствах-членах, где в основном концентрируются выходцы из соответствующей африканской страны.

5 Population of the UK by Country of Birth and Nationality, June 2018 to June 2019 // Office for National Statistics // <https://www.ons.gov.uk>, дата обращения 12.05.2020.

6 Étrangers – Immigrés (2020) // Institut National d’Études Démographiques, February 27, 2020 // <https://www.ined.fr>, дата обращения 12.05.2020.

7 Étrangers par Nationalité Détaillée (2019) // Institut National d’Études Démographiques, September 2, 2019 // <https://www.ined.fr>, дата обращения 12.05.2020.

8 Annuario Statistico Italiano 2019 // <https://www.istat.it>, дата обращения 12.05.2020, p. 110.

Особенности трудовых ролей выходцев из Африки в разных странах

Распределение выходцев из отдельных государств Африки преимущественно по разным странам – членам ЕС показывает, что в основном мигранты занимают экономические ниши безотносительно к своему национальному происхождению. Традиционные виды занятости в ЕС для определенных африканских народов были более актуальны для середины XX в., тогда как массовый наплыв трудовых мигрантов (и в особенности беженцев) с конца 1990-х гг. привел почти к полному исчезновению данного феномена. Так, если в первой половине XX в. оседавшие в Европе сомалийцы из-за распространенных на родине традиций мореплавания в основном становились моряками и портовыми работниками, то бегство сомалийцев от многолетней гражданской войны привело к тому, что половина из них теперь вообще не имеют никакой профессиональной специальности, что ведет к маргинализации сомалийской диаспоры. Например, в Великобритании 31% мужчин и 84% женщин трудоспособного возраста из Сомали не учатся, не работают и не ищут работу [Карнов 2017]. В случае североафриканских «гастарбайтеров» (преимущественно во Франции) размывание специализации на рубеже веков произошло из-за активизировавшегося процесса воссоединения семей и начала трудовой деятельности второго поколения арабов и берберов – выросших во Франции потомков мигрантов из Марокко и Алжира.

Ключевым фактором для занятия той или иной экономической позиции в обществе является статус мигрантов, также важную роль играет их образование (хотя часто африканцы работают на местах, где не требуется да-

же тот уровень квалификации, о котором свидетельствует их образование) и языковые барьеры. Среди нелегальных мигрантов превалирует занятость в теневом секторе, который довольно значителен во многих странах ЕС. Некоторая часть таких мигрантов вовлечена в криминальную экономику, в т. ч. путем использования рабского труда (чаще всего нелегальных мигрантов из числа женщин и подростков).

Особую категорию составляют официально зарегистрированные беженцы, особенно в период, когда они еще не могут выйти на рынок труда. Своя специфика есть и у африканских студентов, которые подрабатывают (далеко не всегда легально) в европейских странах, где проходят свое обучение. Получив образование, многие остаются в ЕС, причем в бывших метрополиях, как правило, карьерные траектории оказываются намного успешнее (возможно, из-за отсутствия языкового барьера). Например, большая часть западноафриканской молодежи, намеревающаяся учиться в Европе, изначально не планирует возвращаться на родину и считает, что связь с ней достаточно поддерживать через диаспору [Dako-Gyeke 2015].

Наш акцент на трудовой деятельности как характеристики занятия выходцами из Африки тех или иных экономических ниш в ЕС основан на том, что большинство потенциальных мигрантов (особенно глав семейств) почти всегда на первый план ставят мотивы, связанные с поиском работы либо преодолением бедности, что бы они потом ни декларировали при пересечении границы. Это наглядно демонстрируют результаты 2019 г., опубликованные Афробарометром по итогам опроса 45,8 тыс. жителей 34 стран в период с сентября 2016 г. по сентябрь 2018 г. [Sanny, Logan, Gyimah-Boadi 2019]. Только у 25% опрошенных родствен-

ники жили в последние три года за рубежом, однако 37% респондентов отнесены к «потенциальным эмигрантам», т. е. подумывают об эмиграции (половина из них настроена довольно решительно, а десятая часть – т. е. 3% жителей Африки – уже предпринимает соответствующие шаги). Среди «потенциальных эмигрантов» в Европу намерены уехать 27%, в т. ч. 68% из Марокко, 66% из Кабо-Верде, 58% из Туниса, 54% из Сенегала, 52% из Мадагаскара, 47% из Гамбии, по 45% из Кот-д’Ивуара и Маврикия, 40% из Габона, 37% из Мали, 31% из Ганы. Основной мотив в целом по 34 обследованным странам Африки – найти работу (44%), выделяются также следующие цели: избежать нищеты (29%), получить образование (6%) и попутешествовать (5%), тогда как воссоединение с семьей называли 3% респондентов, а тягу к демократическим свободам или поиск мира и безопасности – по 2%. Среди марокканцев эмиграцию ради работы называли 53%, избегание нищеты – 13%, получение образования – 10%, среди тунисцев показатели составляли соответственно 47, 24 и 3%, среди сенегальцев – 54, 26 и 7% и т. д.

Часто существуют большие гендерные различия: например, среди сенегальцев во Франции и особенно в Италии многие женщины не работают, рассчитывая на заработок мужей (других мужчин-родственников) [Castagnone, Sakho, Nazio, Schoumaker, Rakotonarivo 2013, pp. 9, 15–18]. Безусловно, отчасти различается и мотивация к миграции: как показывает Афробарометр (правда, без разделения по отдельным странам, что могло хотя бы косвенно отнести эти данные к эмиграции в ЕС), 47% мужчин и только 40% женщин в Африке готовы эмигрировать главным образом ради работы, зато избегание нищеты называют 28% мужчин и 31% женщин [Sanny, Logan, Gyimah-Boadi 2019, p. 17].

Доля мужчин, работающих в обрабатывающей промышленности и строительстве, закономерно выше, зато женщины чаще находят работу в торговле и сфере обслуживания. На примерах ганских мигрантов в Великобритании показано довольно распространенное превышение образовательного уровня у африканских мужчин-мигрантов по сравнению с женщинами, что также сказывается на различиях в их трудовых траекториях [Black, Quartey, Castagnone, Nazio, Schoumaker, Rakotonarivo 2013, p. 6].

Отдельного внимания заслуживают мигранты во втором и даже в третьем поколении, которые так и не натурализовались в ЕС. Как правило, их отличает невысокий образовательный уровень, в результате чего на рынке труда они оказываются в тех же сегментах, что и недавно прибывшие африканцы с низким образовательным уровнем, а также специалисты-мигранты, которые не смогли подтвердить свою квалификацию в ЕС (например, медицинские работники, которые массово покидают Черный континент в поисках лучших условий жизни). Отметим также, что наличие сложившейся диаспоры, некоторые представители которой успели добиться успеха на «новой родине», позволяет вновь прибывшим соотечественникам быстрее находить работу в соответствующих странах ЕС.

Массовый переезд в ЕС образованных африканцев, особенно молодых, реже попадает в поле зрения исследователей, однако высокая безработица и сложная внутривнутриполитическая ситуация во многих странах Африки существенно стимулируют такой исход. Еще одна причина эмиграции молодежи ради образования – нехватка мест в африканских вузах из-за недальновидной политики местных властей. Это наглядно проявилось в случае Нигерии, из которой массово эмигрируют буду-

щие британские (и ирландские) студенты, причем семьи молодых нигерийцев обычно готовы платить по 15–25 тыс. ф. ст. в год [Olutayo 2016]. Таким образом, происходит приращение человеческого капитала в ЕС без значимых затрат со стороны самих европейцев.

Вместе с тем значительная часть работающих африканскими иммигрантами средств покидает ЕС в форме денежных переводов на родину (именно поэтому поэтю больше африканские семьи часто оказывают родственникам существенную помощь в эмиграции в ЕС, которую недоучитывают чиновники ЕС, рассматривающие преимущественно экономические мотивы мигрантов-одиночек). Как показали опросы ганских мигрантов в Италии, возврат на родину наиболее вероятен, если африканцам удастся заработать в ЕС стартовый капитал для создания и продвижения бизнеса на родине. Однако немаловажный мотив их «временного» пребывания в ЕС, растягивающегося на деле на многие годы, – возможность дать детям хорошее европейское образование [Agyeman, Garcia 2016].

Успешными оказываются и дети африканских мигрантов «первой волны», которые смогли получить на «новой родине» качественное образование и влиться в ряды квалифицированных европейских кадров. Например, в Великобритании нигерийская община выделяется довольно высоким уровнем образования, а как следствие, в стране немало бизнесменов, ученых и работников СМИ с нигерийскими корнями [Карпов 2018, с. 54–57].

Справедливости ради надо заметить, что ежегодно десятки тысяч образованных африканцев добровольно возвращаются из ведущих стран ЕС

к себе на историческую родину. Примечательно, что до сих пор свыше трети африканских мигрантов высказывают намерения вернуться со временем на родину (однако показатель существенно упал по сравнению с 1960-ми гг., к тому же планировать и реально действовать в будущем в этом направлении – не синонимы). К сожалению, точная статистика не ведется, к тому же многие мигранты просто перебираются в иные страны ЕС (от 20 до 50% в течение первых 5 лет) [Flahaux, Beauchemin, Schoumaker 2014].

Как вовлеченность в сектор обслуживания на низкооплачиваемых, по меркам ЕС, рабочих местах, так и наличие значимой группы профессионально успешных представителей диаспоры определяют высокую концентрацию многих африканцев в крупных городах, особенно столицах. Например, 41,5% жителей Великобритании, родившихся в Нигерии, и немногим более 60% выходцев из Сомали и Ганы сосредоточились в Лондоне. Однако концентрация мигрантов в крупнейших городах – не универсальная закономерность. Так, в британской столице поселились только 14,3% проживающих в Соединенном Королевстве зимбабвийцев и 24,7% выходцев из ЮАР. У зимбабвийцев Юго-Восток Англии и Западный Мидлендс популярнее Большого Лондона⁹. Отчасти это связано с исходом «белого» населения из Зимбабве и ЮАР, хотя в последние годы из Зимбабве эмигрируют в основном представители местных национальностей.

При этом у зимбабвийцев (почти не испытывающих проблем с владением английским языком) особенно популярны должности младшего медицинского персонала в сфере по уходу за

9 Population of the UK by Country of Birth and Nationality. June 2018 to June 2019 // Office for National Statistics // <https://www.ons.gov.uk>, дата обращения 12.05.2020.

инвалидами и пожилыми людьми. Речь идет как о мигрантах, получивших образование на родине до эмиграции, так и тех, кто прошел подготовку уже в Великобритании [Карпов 2018, с. 32–33]. Миграция врачей и медсестер характерна и для других стран. Например, по данным на середину 2000-х гг. (а с тех пор цифры лишь выросли), во Франции около половины врачей-мигрантов приехали из Африки, в основном Северной (показатель превышал 6 тыс. чел.). В Германии, Италии и Великобритании из Африки был только каждый шестой врач-мигрант, но если их число в первых двух странах достигло 2 тыс., то в Великобритании превышало 15 тыс. чел. [Dussault, Fronteira, Cabral 2009, pp. 6, 13–14].

Особую категорию составляют мелкие предприниматели, в основном в сфере торговли (в частности, в британской столице действует несколько тысяч фирм, принадлежащих нигерийцам). При этом широко распространен семейный бизнес (как среди выходцев из Черной Африки, так и у арабов – причем во всех крупных странах ЕС). На примере сенегальской миграции было показано, что языковой барьер способствует большей склонности африканцев к samozанятости. Так, во Франции владеющие французским сенегальцы, получавшие образование по сходной с существующей во Франции системе, чаще работают по найму по сравнению с Италией [Castagnone, Sakho, Nazio, Schoumaker, Rakotonarivo 2013, p. 10]. Примечательно, что во всех крупных странах ЕС значительная часть предпринимателей обслуживает других мигрантов в случае формирования «гетто». Однако рабочие места, связанные с обслуживанием бывших соотечественников, не обязательно относятся к мелким и средним бизнесменам – достаточно упомянуть учителей и религиозных деятелей.

Наиболее детальная статистика по всем видам занятости мигрантов есть во Франции (см. табл. 4). Хорошо видно, что в целом мигранты из Африки, особенно из стран южнее Сахары, находятся на более низких социальных позициях (исключение составляют только турки). Среди мигрантов из Северной Африки наиболее высоким социальным положением выделяются туниисцы (структура занятости близка к испанской общине). Отдельного внимания заслуживает удельный вес фермеров, ремесленников, торговцев и владельцев предприятий, который, безусловно, не показывает многих важных деталей (прежде всего размер компании, контролируемой мигрантами). Однако для выходцев из Черной Африки этот показатель во Франции в любом случае находится на крайне низком уровне (в 2,5 раза ниже, чем в среднем в мигрантской среде).

Представленные данные сложно сопоставить со статистикой других стран, т. к. в Германии, например, приводятся только сведения по результатам микропереписи для лиц с мигрантским прошлым, включая обладателей немецких паспортов из числа детей мигрантов и натурализовавшихся приезжих. Однако в целом, как и во Франции, можно отметить менее благополучное положение выходцев из Африки на рынках труда ФРГ. Если в целом по Германии в 2018 г. работу не имели 3,4% экономически активного населения (попутно заметим, что этот показатель несколько отличается от уровня безработицы по методологии МОТ), то среди лиц с мигрантским прошлым показатель составлял 5,8%, среди лиц с марокканскими корнями – уже 8,3%, другими североафриканскими корнями – 10,4%, иными африканскими корнями – 10,0%. samozанятыми были только 5% лиц с африканскими корнями, тогда как в целом по жителям ФРГ с мигрантским прошлым

показатель составлял 8,4%, а в среднем по населению страны – 9,6%. В то же время рабочими были 25,4% имевших работу выходцев из Африки или их детей против 16,6% в среднем среди жителей Германии. В промышленности и строительстве было занято 23,3% работавших жителей ФРГ с африканскими корнями против 30% в целом по лицам с мигрантским прошлым и 27,3% в среднем среди экономически активного населения. Зато в торговле, гостиничном бизнесе и транспорте показатели были обратные – 38,2% по лицам с афри-

канскими корнями (причем почти 40% у марокканцев и других североафриканцев и их детей) против 31,7% у всех жителей с мигрантским прошлым и 25,9% в целом по стране. Почти четверть работавших жителей ФРГ с африканскими корнями (в т. ч. 26,4% выходцев из Тропической Африки либо их детей) зарабатывали менее 900 евро в месяц, тогда как в целом по стране показатель был на уровне 15% (по работающим мигрантам – 20%). Если в ФРГ средний персональный нетто-доход превышал 2 тыс. евро, то для выходцев из Тропической

Таблица 4. Структура занятости мигрантов во Франции, % (2018 г.)

Страна	Фермеры (мелкие, средние, крупные), ремесленники, торговцы и владельцы предприятий	Лица свободных и творческих профессий, профессора, ученые, инженеры, административный персонал учреждений и компаний	Служащие среднего звена (учителя, средний медицинский персонал, священники, техники, бригадиры на заводах и др.)	Служащие нижнего звена всех отраслей, военнослужащие	Рабочие всех отраслей (включая сельское хозяйство), водители
Все мигранты	8,2	14,9	15,5	29,8	31,7
Все граждане Франции, включая детей мигрантов	7,7	18,6	27,2	27,1	19,4
Мигранты из Африки в целом	6,2	12,5	14,0	32,8	34,5
Мигранты из Алжира	9,7	11,8	14,2	29,7	34,7
Мигранты из Марокко	6,9	13,5	14,6	28,2	36,8
Мигранты из Туниса	9,3	19,7	13,3	27,6	30,1
Мигранты из Черной Африки	3,2	10,5	13,8	38,7	33,9
<i>Справочно:</i>					
Итальянцы	8,6	37,3	21,2	24,2	8,7
Испанцы	9,4	19,2	20,6	29,7	21,1
Британцы	21,3	39,6	17,2	19,2	2,6
Турки	11,6	4,3	6,4	13,6	64,1
Китайцы	17,1	23,9	8,8	31,3	19,0

Источник: Catégories Socioprofessionnelles des Immigrés par Origine Géographique en 2018 (19.07.2019) // <https://www.insee.fr>

Африки либо их детей он равнялся 1,5 тыс. евро, для марокканцев – 1,7 тыс. евро, для других североафриканцев – 1,9 тыс. евро (в целом для лиц с мигрантским прошлым показатель в Германии составлял 1,8 тыс. евро)¹⁰.

Наконец, нельзя обойти вниманием немногочисленные группы мигрантов, слабо вписывающиеся в традиционную социальную структуру, которые тем не менее заметны для общества. В первую очередь упомянем спортсменов с африканским происхождением, которых немало в европейских спортивных клубах и национальных сборных. О целенаправленной охоте спортивных бизнесменов из ЕС, например, за футбольными кадрами через организацию спортивных школ в Африке эксперты писали уже в начале XXI в. (например, [Darby, Akindes, Kirwin 2007]).

* * *

Показанная выше мозаика способов встраивания африканцев в экономику ЕС, причем иногда заметно различающихся в зависимости от страны эмиграции и страны иммиграции, осложняется весьма противоречивыми мерами государств-членов и Евросоюза в целом по регулированию новых миграционных потоков и адаптации уже поселившихся в ЕС африканцев. Не случайно еще в прошлом десятилетии, до наплыва беженцев, некоторые эксперты писали об отсутствии искреннего желания справиться с потоком мигрантов из Африки у многих групп интересов в ЕС [Haas 2008]. Большинство стран ЕС по-прежнему заинтересованы в дешевой, а часто еще и нерегулярной занятости в сельском хозяйстве, строительстве и некоторых отраслях сферы услуг. В Италии и некоторых других странах остро требуются женщи-

ны-мигранты для помощи по дому и для ухода за стариками. До сих пор, несмотря на большие различия в моделях интеграции мигрантов (см., например, [Hübschmann 2015, pp. 48–51]), адаптация африканцев в ФРГ, Франции, Италии и Великобритании сопряжена с меньшим средним заработком по сравнению с местным населением при наличии часто серьезного социального расслоения в диаспоре. Нередко именно африканские мигранты, особенно из Африки южнее Сахары, обеспечивают ЕС наибольшую среди других миграционных потоков выгоду в части приращения человеческого капитала, занимая при этом преимущественно невостребованные местным населением ниши на рынках труда. Вместе с тем следует подчеркнуть, что до сих пор данные о мигрантах из Африки настолько фрагментарны в ЕС и часто слишком неточны, чтобы можно было проводить по-настоящему глубокий анализ с выходом на эффективные практические рекомендации.

Тем не менее на основе нашего исследования можно сделать несколько важных выводов, которые имеют практическое значение не только для крупных стран ЕС, но и для других государств Глобального Севера. Сокращение нелегальной миграции (включая маскировку трудовых мигрантов под беженцев) можно обеспечить только в тесном взаимодействии с властями стран эмиграции, причем принимаемые меры необходимо подкреплять серьезными социологическими исследованиями «миграционных намерений». Нельзя недооценивать стремление к качественному образованию (как высшему, так и среднему специальному), в т. ч. для детей иммигрирующих африканских семей, в качестве важного мотива к переезду в раз-

10 Bevölkerung und Erwerbstätigkeit Bevölkerung mit Migrationshintergrund, S. 400–404.

витые страны и отказа от возвратной миграции в будущем. Большое внимание надо уделять преодолению языкового барьера, т. к. именно он, а не низкая доля высококвалифицированных кадров создает многие социальные проблемы при иммиграции африканцев (поскольку принимающее общество часто заинтересовано в не очень квалифицированных кадрах, однако способных к интеграции в принимающий социум). Что касается преобладания в той или иной диаспоре каких-то особых экономических ниш в трудовой деятельности, то это верный признак конкретной экономической или социальной специфики соответствующей страны исхода. Наконец, с европейских стран не снимается историческая ответственность за содействие экономическому развитию государств Африки, тем более что инвестиции в создание рабочих мест, совершенствование инженерной и социальной инфраструктуры Африканского континента сократят стимулы для миграции его жителей на Глобальный Север.

Список литературы

Абрамова И.О. (2009) Африканская миграция: опыт системного анализа. М.: Институт Африки.

Деминцева Е.Б. (2008) Магрибинское сообщество во Франции: формирование диаспоры и политика интеграции // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. № 1. С. 83–97 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_10332467_79385201.pdf, дата обращения 12.05.2020.

Деминцева Е.Б. (2013) «Мы приехали сюда за надеждой»: опыт жизни иммигрантов-малийцев во Франции // Этнографическое обозрение. № 1. С. 104–117 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18870123_31406533.pdf, дата обращения 12.05.2020.

Деминцева Е.Б. (2015) «Проблемные окраины» и их обитатели: парижские предместья между «бунтом окраин» и «Шарли Эбдо» // Этнографическое обозрение. № 5. С. 135–148 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24852453_31126382.pdf, дата обращения 12.05.2020.

Карпов Г.А. (2016) У Великобритании – африканское будущее? // Азия и Африка сегодня. № 1. С. 59–64.

Карпов Г.А. (2017) Сомалийцы в Великобритании: разобщенность или единство? // Азия и Африка сегодня. № 5. С. 26–29.

Карпов Г.А. (2018) Африканские диаспоры современной Великобритании (сомалийцы, зимбабвийцы, нигерийцы, южноафриканцы). Чебоксары: Среда.

Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. (2017) Феномен «восточного общества» в современной Европе: парадигмы, вызовы, прогнозы // Современная Европа. № 4. С. 5–16 // <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-vostochnogo-obschestva-v-sovremennoy-evrope-paradigmy-vyzovy-prognozy/viewer>, дата обращения 12.05.2020.

Aeberthardt R., Fougère D., Pouget J., Rathelot R. (2010) Wages and Employment of French Workers with African Origin // Journal of Population Economics, vol. 23, pp. 881–905. DOI: 10.1007/s00148-009-0266-3

Agyeman E.A., Garcia M.F. (2016) Connecting Return Intentions and Home Investment: the Case of Ghanaian Migrants in Southern Europe // Journal of International Migration and Integration, vol. 17, no 3, pp. 745–759. DOI: 10.1007/s12134-015-0432-2

Black R., Quartey P., Castagnone E., Nazio T., Schoumaker B., Rakotonarivo N. (2013) Understanding Afro-European Labour Trajectories: Integration of Migrants into the European Labour Market & Reintegration into the Country of Origin:

The Case of Ghana. MAFE Working Paper 28. January.

Castagnone E., Sakho P., Nazio T., Schoumaker B., Rakotonarivo N. (2013) African Migrants at Work. Patterns of Labour Market Integration in Europe, Transnational Economic Participation and Economic Re-integration of Migrants in Origin Countries. The Case of Senegal. MAFE Working Paper 29. January.

Crawley H., Blitz B.K. (2019) Common Agenda or Europe's Agenda? International Protection, Human Rights and Migration from the Horn of Africa // *Journal of Ethnic and Migration Studies*, no 12, pp. 2258–2274. DOI: 10.1080/1369183X.2018.1468393

Dako-Gyeke M. (2015) We Never Plan to Return Home: Voices of Pre-migrant Ghanaian Youth // *Journal of Youth Studies*, no 2, pp. 169–182. DOI: 10.1080/13676261.2015.1059929

Darby P., Akindes G., Kirwin M. (2007) Football Academies and the Migration of African Football Labor to Europe // *Journal of Sport & Social Issues*, vol. 31, no 2, pp. 143–161. DOI: 10.1177/0193723507300481

David A., Marouani M.A. (2017) Migration Patterns and Labor Market Outcomes in Tunisia // *Economic Research Forum Working Paper*, no 1166 (December) // <https://erf.org.eg/publications/migration-patterns-and-labor-market-outcomes-in-tunisia/>, дата обращения 12.05.2020.

Dussault G., Fronteira I., Cabral J. (2009) Migration of Health Personnel in the WHO European Region, Lisbon: Instituto de Higiene e Medicina Tropical.

Ewutomah R. (2017) International Migration and Drug Trafficking in Ghana, Center for Migration Studies. University of Ghana // <http://ugspace.ug.edu.gh/handle/123456789/23506>, дата обращения 12.05.2020.

Flahaux M.-L., Beauchemin C., Schoumaker B. (2014) From Europe to Africa: Re-

turn Migration to Senegal and the Democratic Republic of Congo // *Population & Societies*, no 515 (October), pp. 1–3.

Haas H. de (2008) The Myth of Invasion: The Inconvenient Realities of African Migration to Europe // *Third World Quarterly*, no 7, pp. 1305–1322. DOI: 10.1080/01436590802386435

Hadjou L. (2015) Does Immigration Fosters the Algerian Exports? A Static and Dynamic Analysis // 55th Congress of the European Regional Science Association: “World Renaissance: Changing Roles for People and Places”, Lisbon, 25–28 August // <http://hdl.handle.net/10419/124553>, дата обращения 12.05.2020.

Hübschmann Z. (2015) Migrant Integration Programs: The Case of Germany // *Global Migration Research Paper*, no 11.

Kohnert D. (2007) African Migration to Europe: Obscured Responsibilities and Common Misconceptions // *GIGA Working Papers*, no 49 (May).

Kunle A., Modupe A.F. (2019) Challenges of Diaspora's Contributions to Nigeria's National Development: The British/American Case Study // *American Journal of Humanities and Social Sciences Research*, vol. 3, no 4, pp. 130–154 // <https://www.ajhssr.com/wp-content/uploads/2019/04/R1934130154.pdf>, дата обращения 12.05.2020.

Landau L.B. (2018) A Chronotope of Containment Development: Europe's Migrant Crisis and Africa's Reterritorialisation // *Antipode: A Radical Journal of Geography*, vol. 51, no 1, pp. 169–186. DOI: 10.1111/anti.12420

Olutayo A.O. (2016) Democracy, Funding of Higher Education and Students' 'Brain Drain' in Nigeria: Development Implications for Now and the Future // *Journal of Management and Social Sciences*, vol. 5, no 2, pp. 1–14 // <http://fountainjournals.com/index.php/fujmas/article/view/70>, дата обращения 12.05.2020.

Sahraoui N. (2015) Acquiring 'Voice' through 'Exit': How Moroccan Emigrants

Became a Driving Force of Political and Social Change // *The Journal of North African Studies*, vol. 20, no 4, pp. 522–539. DOI: 10.1080/13629387.2015.1065037

Sanny J.A.-N., Logan C., Gyimah-Boadi E. (2019) In Search of Opportunity: Young and Educated Africans Most Likely to Consider Moving Abroad // *AFRObarometer*, no 288 (26 March) // https://media.africanportal.org/documents/ab_r7_dispatch-no288_looking_for_opportunity_africans_views_on_emigration1.pdf, дата обращения 12.05.2020.

Schapendonk J. (2011) *Turbulent Trajectories: Sub-Saharan African Migrants Heading North* // Dissertation, October 20, 2011, Radboud University Nijmegen // <https://repository.ubn.ru.nl/bitstream/handle/2066/91326/91326.pdf>, дата обращения 12.05.2020.

Shapendonk J. (2015) What if Networks Move? Dynamic Social Networking in the Context of African Migration to Europe // *Population, Space and Place*, vol. 21, no 8, pp. 809–819. DOI: 10.1002/psp.1860

Social Transformations

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-1

Economic Activities of African Migrants in Major EU Countries: New Approaches

Alexey V. KUZNETSOV

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Economics, Acting Director

Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences, 1179997, Nakhimovskiy Av., 51/21, Moscow, Russian Federation

E-mail: kuznetsov_alexey@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5172-9924

CITATION: Kuznetsov A.V. (2020) Economic Activities of African Migrants in Major EU Countries: New Approaches. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 1, pp. 6–27 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-1

Received: 04.12.2019.

ACKNOWLEDGEMENT: The research is made under financial support of the RFBR (project no 17-07-00040-OGN).

ABSTRACT. *The growing interest in migration issues in the EU has not affected the analysis of African migrants. The focus is on social and political issues, while the economic issues studied are primarily related to the assessment of the reasons for the arrival of Africans in the EU, the trajectory of their movement, as well as*

the scale of remittances to their homeland and the conditions for their return back to Africa. The article focuses on the main features of African migrants' economic activity in the EU. Instead of the traditional consideration of only one or several diasporas in a single country or a generalized analysis of the entire EU, we compare the

specifics of immigrants from different African countries in the 4 largest EU member states (including the UK, which left the integration project in 2020). Our article begins with a review of studies that contain information on the economic activities of migrants from African countries. Then, based on data from Eurostat and national statistics from Germany, France, Italy and the UK, the role of people from Africa in these countries population is shown. The reasons for the differences between these four countries in the dynamics and structure of immigration from Africa are explained. Statistics of refugees, naturalized persons over the past 10 years, foreign citizens and residents with migration past are considered. France is the leader in the number of migrants, mainly due to people from French-speaking countries of North and West Africa. Italy stands out because it is targeted by many illegal migrant routes due to its geographical proximity to this region. The UK has become a target mainly for residents of former British colonies who are quite successful in naturalization in the United Kingdom (therefore, there are as many Africans without local passports in the UK as in Germany – 0.6 million). Further, it is shown that the key factor for taking a particular economic position in society is the status of migrants, their education also plays an important role (although Africans often work in places where a lower level of qualification is required than they have), as well as language barriers. There are big gender differences. At the end of the article we make conclusions about the problems of African migrants' adaptation, although the EU countries cannot refuse to employ migrants in unattractive jobs in any case.

KEY WORDS: migrations, African migrants, EU member states, economic niches on labor markets, migration statistics, Germany, France, Italy, United Kingdom

References

- Abramova I.O. (2009) *African Migration: Experience of System Analysis*, Moscow: Institute of Africa (in Russian).
- Aeberthardt R., Fougère D., Pouget J., Rathelot R. (2010) Wages and Employment of French Workers with African Origin. *Journal of Population Economics*, vol. 23, pp. 881–905. DOI: 10.1007/s00148-009-0266-3
- Agyeman E.A., Garcia M.F. (2016) Connecting Return Intentions and Home Investment: the Case of Ghanaian Migrants in Southern Europe. *Journal of International Migration and Integration*, vol. 17, no 3, pp. 745–759. DOI: 10.1007/s12134-015-0432-2
- Black R., Quartey P., Castagnone E., Nazio T., Schoumaker B., Rakotonarivo N. (2013) *Understanding Afro-European Labour Trajectories: Integration of Migrants into the European Labour Market & Reintegration into the Country of Origin: The Case of Ghana*. MAFE Working Paper 28. January.
- Castagnone E., Sakho P., Nazio T., Schoumaker B., Rakotonarivo N. (2013) *African Migrants at Work. Patterns of Labour Market Integration in Europe, Transnational Economic Participation and Economic Re-integration of Migrants in Origin Countries. The Case of Senegal*. MAFE Working Paper 29. January.
- Crawley H., Blitz B.K. (2019) Common Agenda or Europe's Agenda? International Protection, Human Rights and Migration from the Horn of Africa. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, no 12, pp. 2258–2274. DOI: 10.1080/1369183X.2018.1468393
- Dako-Gyeke M. (2015) We Never Plan to Return Home: Voices of Pre-migrant Ghanaian Youth. *Journal of Youth Studies*, no 2, pp. 169–182. DOI: 10.1080/13676261.2015.1059929
- Darby P., Akindes G., Kirwin M. (2007) Football Academies and the Migration of

African Football Labor to Europe. *Journal of Sport & Social Issues*, vol. 31, no 2, pp. 143–161. DOI: 10.1177/0193723507300481

David A., Marouani M.A. (2017) Migration Patterns and Labor Market Outcomes in Tunisia. *Economic Research Forum Working Paper*, no 1166 (December). Available at: <https://erf.org eg/publications/migration-patterns-and-labor-market-outcomes-in-tunisia/>, accessed 12.05.2020.

Demintseva E.B. (2008) Maghreb Community in France: Diaspora Formation and Integration Policy. *Vostok (Oriens)*, no 1, pp. 83–97. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_10332467_79385201.pdf, accessed 12.05.2020 (in Russian).

Demintseva E.B. (2013) “We Came Here for the Hope”: Life Experience of Mali Immigrants in France. *Etnograficheskoe Obozrenie*, no 1, pp. 104–117. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18870123_31406533.pdf, accessed 12.05.2020 (in Russian).

Demintseva E.B. (2015) “Troubled Suburbs” and Their Inhabitants: the Parisian Suburbs between “Riot of the Suburbs” and “Charlie Ebdo”. *Etnograficheskoe Obozrenie*, no 5, pp. 135–14. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24852453_31126382.pdf, accessed 12.05.2020 (in Russian).

Dussault G., Fronteira I., Cabral J. (2009) *Migration of Health Personnel in the WHO European Region*, Lisbon: Instituto de Higiene e Medicina Tropical.

Ewuntomah R. (2017) *International Migration and Drug Trafficking in Ghana, Center for Migration Studies*. University of Ghana. Available at: <http://ugspace.ug.edu.gh/handle/123456789/23506>, accessed 12.05.2020.

Fituni L.L., Abramova I.O. (2017) The Phenomenon of “Eastern Society” in Contemporary Europe: Paradigmes, Challenges, Forecasts. *Contemporary Europe*, no 4,

pp. 5–16. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-vostochnogo-obshchestva-v-sovremennoy-evrope-paradigmy-vyzovy-prognozy/viewer>, accessed 12.05.2020 (in Russian).

Flahaux M.-L., Beauchemin C., Schoumaker B. (2014) From Europe to Africa: Return Migration to Senegal and the Democratic Republic of Congo. *Population & Societies*, no 515 (October), pp. 1–3.

Haas H. de (2008) The Myth of Invasion: The Inconvenient Realities of African Migration to Europe. *Third World Quarterly*, no 7, pp. 1305–1322. DOI: 10.1080/01436590802386435

Hadjou L. (2015) Does Immigration Fosters the Algerian Exports? A Static and Dynamic Analysis. *55th Congress of the European Regional Science Association: “World Renaissance: Changing Roles for People and Places”*, Lisbon, 25–28 August. Available at: <http://hdl.handle.net/10419/124553>, accessed 12.05.2020.

Hübschmann Z. (2015) Migrant Integration Programs: The Case of Germany. *Global Migration Research Paper*, no 11.

Karpov G.A. (2016) Does Great Britain Have African Future? *Asia and Africa Today*, no 1, pp. 59–64 (in Russian).

Karpov G.A. (2017) Somalis in Great Britain: Separation or Unity? *Asia and Africa Today*, no 5, pp. 26–29 (in Russian).

Karpov G.A. (2018) *African Diasporas of Contemporary Great Britain (Somalis, Zimbabweans, Nigerians and South Africans)*, Cheboksary: Sreda (in Russian).

Kohnert D. (2007) African Migration to Europe: Obscured Responsibilities and Common Misconceptions. *GIGA Working Papers*, no 49 (May).

Kunle A., Modupe A.F. (2019) Challenges of Diaspora’s Contributions to Nigeria’s National Development: The British/American Case Study. *American Journal of Humanities and Social Sciences Research*, vol. 3, no 4, pp. 130–154. Available at: <https://www.ajhssr.com/wp>

content/uploads/2019/04/R1934130154.pdf, accessed 12.05.2020.

Landau L.B. (2018) A Chronotope of Containment Development: Europe's Migrant Crisis and Africa's Reterritorialisation. *Antipode: A Radical Journal of Geography*, vol. 51, no 1, pp. 169–186. DOI: 10.1111/anti.12420

Olutayo A.O. (2016) Democracy, Funding of Higher Education and Students' 'Brain Drain' in Nigeria: Development Implications for Now and the Future. *Journal of Management and Social Sciences*, vol. 5, no 2, pp. 1–14. Available at: <http://fountainjournals.com/index.php/fuj-mas/article/view/70>, accessed 12.05.2020.

Sahraoui N. (2015) Acquiring 'Voice' through 'Exit': How Moroccan Emigrants Became a Driving Force of Political and Social Change. *The Journal of North African Studies*, vol. 20, no 4, pp. 522–539. DOI: 10.1080/13629387.2015.1065037

Sanny J.A.-N., Logan C., Gyimah-Boadi E. (2019) In Search of Opportunity: Young and Educated Africans Most Likely to Consider Moving Abroad. *AFRObarometer*, no 288 (26 March). Available at: https://media.africaportal.org/documents/ab_r7_dispatchno288_looking_for_opportunity_africans_views_on_emigration1.pdf, accessed 12.05.2020.

Schapendonk J. (2011) Turbulent Trajectories: Sub-Saharan African Migrants Heading North. *Dissertation*, October 20, 2011, Radboud University Nijmegen. Available at: <https://repository.ubn.ru.nl/bitstream/handle/2066/91326/91326.pdf>, accessed 12.05.2020.

Shapendonk J. (2015) What if Networks Move? Dynamic Social Networking in the Context of African Migration to Europe. *Population, Space and Place*, vol. 21, no 8, pp. 809–819. DOI: 10.1002/psp.1860